Наталья Лебедева

Рецензия на книгу: Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация/Перевод с англ. Алексея Глухова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012.

Если историки относят голландского философа и исследователя историографии Франка Рудольфа Анкерсмита к пантеону «несовременных классиков» [Савицкий, 2012], то на сцене политической философии эта фигура возникла недавно. «Я начинал с философии истории, а потом через понятие репрезентации пришел к философии политики», — говорит Анкерсмит в интервью [Анкерсмит, 2006]. И действительно, автор из книги в книгу пристраивает концепцию метафоры то на службу истории, то политике. В книге «Политическая репрезентация» мы видим, как построенная на понятии метафоры антикантианская теория исторического опыта помогает Анкерсмиту поставить на вопрос о несоизмеримости теоретических оснований.

Понятие метафоры, на первый взгляд, кажется чужым политической философии. Однако именно метафору Анкерсмит использует в качестве теоретического цемента, который связывает воедино различные дисциплины: этику, политику и историю. С ее помощью исследователь стремится снять существующее между философией и политикой напряжение — «напряжение между человеком, поскольку он является философствующим существом, и человеком, поскольку он является действующим существом» [Арендт, 2013, с. 5].

Лебедева Наталья Дмитриевна — студентка философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС. Научные интересы: акторно-сетевая теория, социология повседневности, политическая философия.

В общих чертах замысел автора выглядит следующим образом: историк и политик используют одну и ту же модель объяснения мира, где для преодоления хаоса социальной реальности необходимо обладать способностью к эстетическому синтезу перспектив. Организацию этих перспектив нам позволяет осуществить репрезентация. На протяжении всей книги Анкерсмит пытается балансировать между двумя философскими традициями: между лагерем идеалистов и реалистов. При это он отстаивает идею, которая формулируется столь же просто, сколь трудной оказывается ее доказательство: «репрезентации отчасти определяют природу репрезентируемого» [Анкерсмит, 2012, с. 145]. На первых порах все получается довольно убедительно, но в итоге именно об это «отчасти» Анкерсмит спотыкается.

Попытка эстетического синтеза репрезентации и репрезентируемого терпит провал, когда Анкерсмит раскрывает перед читателем «истинные» ориентиры политической деятельности: «этика — это поле гравитации, порождаемое черной дырой практической бесполезности, в которую уже провалились многие возвышенные политические системы. Этика кажется самой легкой и безопасной дорогой к политической „истине“, но именно по этой причине она лишена реальной ценности в наших поисках политической истины (...) В итоге печальный факт, касающийся [политического использования] этики, состоит в том, что чем больше у нас согласия относительно рациональности аргумента, тем меньше его политическая ценность и значение». Несомненным приоритетом перед этической аргументацией для автора обладает репрезентация, закрепленная на правовом уровне, и представительная демократия оказывается именно той формой правления, которая «наиболее успешно придает действительную конститутивную форму необходимым условиям репрезентации» [там же, с. 212, 213].

Заметим, что синтетический проект Анкерсмита дает сбой там же, где проскальзывает блестящая теоретическая полемика Юргена Хабермаса с Джоном Ролзом. Сталкиваясь с вопросом о соизмеримости и применимости моральных норм и суждений, Хабермас заявляет: «По-видимому, нет такого пути, на котором при объяснении моральной точки зрения можно было бы обойтись без помощи контекстуально-зависимой (по своим притязаниям) процедуры», которая, в свою очередь, оказывается «нейтральной в отношении любой констелляции ценностей, но не в отношении самого практического разума» [Хабермас, 2008, с. 193–194]. Иными словами, инстанцией, которая выносит оценку правилосообразости наших действий, является не теоретический, а практический разум. Следуя за автором, мы приходим к непреодолимой границе, которая

отделяет ценности, пригодные для обобщения ad hoc, от метафизических ценностей sub specie aeternitatis.

Главный аргумент, который мы можем выдвинуть против программы Хабермаса и в некоторой степени Анкерсмита, заключается в том, что моральные доктрины приобретают излишне облегченное звучание, когда дело касается вопросов политической справедливости. На этом витке дискуссии ценностное содержание размывается, сводясь к дискурсивно-политической игре в демократию и получая свое обоснование в правовой сфере. «Ключом для обеспечения равных свобод здесь является публичное употребление разума, *прошедшее правовую институализацию в демократическом процессе* (*курсив мой*. — Н. Л.), — заключает исследователь [Хабермас, 2008. с. 196]. Иными словами, описывая то, каким образом люди осуществляют координацию действий, нам приходится выбирать: либо мы сосредотачиваем фокус внимания на этической проблематике, либо говорим о политике. Эти два языка — свободы и справедливости — оказываются взаимно непереводимыми [Глухов, 2013].

На примере Анкерсмита и Хабермаса мы видим, как политическая наука продолжает упорно изживать интуицию иного, неправового трансцендентного измерения. Платоновский способ мышления о ценностях уступает место практической рациональности, а единственной общепризнанной ценностью, к которой апеллирует политик, совершая то или иное действие, оказывается признание права и демократии как реальности sui generous. Несмотря на все это, можно считать, что Анкерсмит предпринял важную попытку уйти от правовой зашоренности политической философии и переместить фокус мышления теоретиков с политической реальности, которая дана нам как готовое целое, на способы ее производства.

Полагая, что научное знание носит политически нейтральный характер, мы можем осмысливать его через метафору шахматной партии [Вахштайн, 2009, Зенкин, 2013]. Если допустить, что деятельность ученых политически ангажирована, уместнее прибегнуть к метафорике военных действий [Кралечкин, 2013]. Чтобы дискуссия политических философов больше походила на шахматы, нежели на войну, требуется признать суверенитет научного знания и играть по общим правилам, не меняя их на ходу, или впасть в самопротиворечие и „мыслить как Кант, а действовать как Макиавелли“ [Вахштайн, 2013]. Таким образом, чтобы найти ответы на вопросы, поставленные Анкерсмитом, нам потребуется создать общее теоретическое основание, на котором мы могли бы совместить и сопоставить фрагменты «множества реальностей», не изменяя при этом правил теоретической игры и не превращая ее в аналог театра боевых действий.

Библиография

1. *Анкерсмит Ф. Изучение истории как политическая проблема // Вопросы образования, 2006. № 4.*
2. *Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012.*
3. *Арендт Х. Разговор с Гюнтером Гаусом // Социологическое обозрение, 2013. № 1.*
4. *Вахштайн В. Между практикой и поступком: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение, 2009. № 1.*
5. *Вахштайн В. Прямая речь. 2013. URL: http://postnauka.ru/talks/7761 (дата обращения — 11.11.2013).*
6. *Глухов А. Политическая гетерогенность и «конституция свободы» // Социологическое обозрение, 2013. № 2.*
7. *Зенкин С. Наука и плагиат: труженики и паразиты. 2013. URL: http://gefter.ru/archive/8364 (дата обращения — 11.11.2013).*
8. *Кралечкин Д. Время механических лис // Отечественные записки, 2013. № 2.*
9. *Савицкий Е. Наслаждение палестинских старцев. 2012. URL: http://gefter.ru/archive/6946 (Дата обращения — 11.11.2013).*
10. *Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука, 2008.*